

А.-Л. Сиикала

ЭЛИАС ЛЕННРОТ КАК ЭТНОГРАФ

Первое путешествие по сбору материала, или, как бы сейчас выразились, экспедиционная поездка Элиаса Леннрота началась в апреле 1828 г. Он отправился в путь из родной деревни Самматти в западной части Финляндии. Приближаясь к г. Хямеенлинна, Леннрот попросил на постоялом дворе лошадь, чтобы въехать в город, как подобает настоящему путешественнику. Хозяин постоялого двора посчитал его подмастерьем-брюдягой и отказал в просьбе, несмотря на все академические звания, перечисленные молодым магистром. Этот эпизод прекрасно иллюстрирует положение молодого Элиаса, жившего на грани двух социальных миров. Будучи сыном деревенского сапожника, он являлся представителем культуры сельского ремесленничества. Сумев окончить курс в университете Турку, Леннрот поднялся до статуса академически образованного гражданина.

Различия между двумя мирами предопределили противоречие, которое Леннрот рассматривал как этнограф и просветитель, ученый и поэт, прокладывавший путь к европейской культуре. Элиас Леннрот разрушал барьеры между культурами, разные грани его личности отражались в представлениях Леннрота о народе так же отчетливо, как и философское знание, полученное им в годы университетской учебы. Его путевые очерки следуют отнести к области описания народного быта, т.е. к науке этнографии, которая поднимается выше культурных границ и стирает их. В этом – ключ к пониманию редкостной многогранности его жизненного труда.

После того как отделившаяся от Швеции Финляндия стала Великим княжеством в составе Российской империи, интерес молодых финляндских интеллектуалов сосредоточился на построении здания отечественной культуры. Поначалу национальное пробуждение проходило «на ощупь», не стремясь к созданию независимого государства. Целью был обладающий собственным языком и культурой народ, история которого поставила бы его вровень с другими нациями. Подобно Хенрику Габриэлю Портану, Йохан Якоб Тенгстрём указывал на роль языка как основного, титульного признака народа и

подчеркивал значение фольклора и народных обычаяев в качестве источника информации о временах древности: «Немногие сохранившиеся остатки» финской устной народной поэзии и «самобытные черты» народного характера можно было еще застать и записать в «их первозданной чистоте» в глубине земель Кайнуу, Карелии и Саво»¹.

Манера исполнения рун и характерные черты калевальской эпической поэзии были описаны Х. Г. Портаном еще в 1778 г. в его труде *De Poesii Fennica* («О финской поэзии»). В те времена фольклор не вызывал еще широкого интереса в среде интеллигенции. Увлечение народной поэзией стало популярным спустя сорок лет, после перемен в государственном устройстве. Несмотря на это, интерес к поэзии был обусловлен причинами, не ограничивающимися рамками финляндских политических событий. Интерес к мифологии, проявлявшийся в англосаксонском и немецком романтизме, а также восхищение фольклором со стороны неогуманистов, таких как Иоганн Готфрид Гердер, уже давно подпитывали устремления интеллигенции стран Северной Европы, направленные в сторону устного народного творчества. Так, в 1799 г. в Копенгагене обсуждался вопрос, следует ли заменить древнегреческие мифы мифологией Северных стран в качестве литературной тематики. Примечательно и то, что в 1814 г. упсальские романтики обратили внимание на финский фольклор².

В Финляндии это германо-готтское направление оказало наибольшее влияние на Андерса Иоганна Шегрена и студентов, учившихся в Упсале, прежде всего на Карла Акселя Готлунда, уже в 1817 г. высказавшего идею собирания рун с целью создания эпоса. Мысль о собирании народной поэзии зрела в умах многих финнов. А. И. Шегрен первым посетил Карелию в 1823–1825 гг., однако составленный им сборник из 433 рун долгое время оставался неизвестным. Таким образом, Ленирот не был первым, кто отправился в путь за рунами, но именно он стал главным первооткрывателем рунопевческой Беломорской Карелии, а после выхода в свет эпоса «Калевала» был признан непревзойденным знатоком древней народной поэзии.

Текст к карикатуре А. В. Линсена, посвященной путешествиям Э. Ленирота, звучит так: *Unus homo nobis cursando restituit rem* («В одиночку, на бегу, он собрал для нас все»). При всей своей ироничности он подчеркивает непревзойденность заслуг Ленирота – собирателя калевальской эпической поэзии. Все же было бы неверным считать целью его путешествий исключительно собирание фольклора, как это порой делается. Какими же были путешествия Ленирота?

Этнографический проект

Вышедший после смерти автора очерк о первом путешествии «Путник» (Vaeltaja) ясно показывает, к какой научной традиции следует относить путешествия Элиаса Лендрота. Написанный в дневниковой форме очерк состоит из описания эпизодов путешествия, впечатлений автора и характеристик повстречавшихся ему людей. Он также содержит стандартные элементы этнографического очерка XIX в. – путешественник описывает пейзаж, растения, людские занятия, население, народные обычаи, строения, одежду, верования, язык и народную поэзию. Для сравнения можно обратиться к путевым очеркам, автором которых был ботаник Pehr Kalm. В середине XVIII в. по поручению Шведской королевской академии наук Кальм совершил длившееся более трех с половиной лет путешествие в Северную Америку. Первый том книги по итогам путешествия увидел свет в 1753 г. Он продолжал традиции Карла Линнея: по форме это был «дневник, в котором различные наблюдения и мысли следовали друг за другом по мере того, как они возникали перед взором Кальма или в его мыслях»³. Целью путешествия был сбор непосредственных наблюдений, сведений, образцов, которые сначала легли в основу дневниковых очерков, а затем – на рабочем столе автора – были систематизированы и облечены в форму научных трудов в свете метода сравнительного анализа. Эта модель, позаимствованная участниками этнографических экспедиций XVIII–XIX вв. из естествознания, хорошо подходила и для гуманитарных исследований. По сути дела, объекты исследования, ныне так сильно обособившиеся друг от друга, представляли единое целое во времена тогдашних путешествий в область незнакомой культуры. Так, естествоиспытатель, которого интересовали ареалы представителей флоры и фауны, мог с не меньшим успехом фиксировать этнографическую информацию⁴. Многостороннее наблюдение природы, культуры и обычаяев представлялось совершенно естественным для географов, на что указывают результаты многих немецких и российских экспедиций в Сибирь. Целостность наблюдений являлась одной из главных задач совершаемых путешествий. Так, например, в первом тихоокеанском плавании капитана Кука в 1768–1771 гг. участвовали специалисты разных областей, в их числе финский исследователь растительного и животного мира Генрих Дитрих Сперинг. Наряду с образцами мира природы участники экспедиции собирали сведения об обычаях и языке, на основании которых делались выводы относительно особенностей народов и культур.

За экспедициями капитана Кука стояло Британское королевское общество. Наряду с ним значительной была роль Российской академии наук в

организации и финансировании исследовательских экспедиций. Хотя экспедиции, исследовавшие язык и историю, культуру Финляндии, преследовали национальные интересы, их характер соответствовал международной традиции. Это отчетливо проявлялось во взаимных контактах между европейскими учеными.

Возвратимся к деятельности Х. Г. Портана. В 1799 г. он пробыл пять недель в Геттингене, где в должности профессора работал немецкий исследователь Август Людвиг Шлецер, получивший образование в Швеции и являвшийся профессором российской истории в Санкт-Петербурге. Труд Шлецера «История Восточной Европы», опиравшийся на результаты работы многих входивших в круг деятельности Российской академии наук исследователей, включал в себя наиболее полное описание финно-угорских народов, выполненное предшественниками автора. Пребывание в Геттингене усилило стремление Портана к изучению истории Финляндии с позиций истории родственных народов, проживающих восточнее. В 1795 г. он получил из Санкт-Петербурга приглашение совершить экспедицию к местам проживания финно-угорских народов. В силу возраста и состояния здоровья 66-летний Портан был вынужден отказаться от этого предложения⁵. Эти поездки были осуществлены И. А. Шегреном. Завяя высокое положение в академических кругах Санкт-Петербурга, он осуществлял руководство и содействие при организации поездок финских исследователей в места проживания родственных народов.

В XIX в. нити национального и интернационального, националистического и империалистического легли друг на друга сложнее и многообразнее, чем того хотелось самим ткачам этого полотна – инициаторам дискуссии о финской национальной идее. Секрет путешествий Э. Леннрота состоит не в его крестьянских корнях и не в сформировавшейся в годы учебы привычке к пешим путешествиям и скромному образу жизни. Это, возможно, облегчало жизнь в непростых поездках. Модель, в соответствии с которой он осуществил свои путешествия, была продиктована международной традицией научных экспедиций.

Путешествия Леннрота

Родившиеся как побочные продукты научной деятельности или чисто журналистские дневники, подобные *Travel through Sweden, Finland and Lapland to the North Cape in the years 1798 and 1799* («Путешествие через Швецию, Финляндию и Лапландию до Нордкапа в 1798 и 1799 годах»), были в XIX в. модным чтивом для людей, стремившихся расширить знания о мире. Эти очерки приносили желанную известность их авторам.

После «Путника» Леннрот более не стремился к созданию целостного дневникового повествования. Теперь он обращался к читателям в форме коротких путевых очерков. Они публиковались в газете «Helsingfors Morgonbladet», которую редактировал его друг Юхан Людвиг Рунеберг, а также в других изданиях. Вместе с дневниками, письмами и разрозненными заметками они отражают взгляд автора на то, что он описывает⁶.

Во время своего первого путешествия Леннрот не смог добраться до Беломорской Карелии. Впоследствии он приступил к планомерному собиранию фольклора на территории российской Карелии. Назначение на должность окружного врача в Каяни сопутствовало этим занятиям. Путешествия 1832 и 1838 г. были сравнительно короткими поездками за границу. После выхода в свет «Калевалы» Леннрот хотел сосредоточиться на сборе лингвистического материала, и в 1836–1837 и 1841–1842 гг. география его путешествий расширилась. Он побывал в Лапландии, на Кольском полуострове, в архангельских, олонецких и вепсских землях. Последнюю, одиннадцатую, поездку Леннрот совершил в Эстонию в 1844 г., и на обратном пути он успел позаниматься собиранием водского фольклора. Планируя в 1834 г. путешествие на север, Леннрот сообщал о его целях в письме своему другу К. Н. Кекману.

Леннрот хотел побывать во «всех местах, как в Финляндии, так и в России, где говорят только по-фински». За один год многое не успеешь, кое-что можно сделать за 2, 3 года. Для начала я посетил бы все места в Беломорской и Олонецкой губернии, чтобы собрать то, что там встретится – руны, песни, сказки, предания, слова, поговорки, всевозможные иные сведения о стране, обычаях, жизни и пр.».

Леннрот хотел продолжить комплексное исследование культуры, собирая помимо различных жанров фольклора также «иные сведения о стране, обычаях, жизни», как он сам это определял.

Как были реализованы эти цели? Разрозненные записи в путевых дневниках, а также тематика путевых очерков и писем свидетельствуют о том, что Леннрот вел записи в соответствии с моделью этнографического очерка, знакомой ему со временем «Путника». Наряду с собственными ощущениями автора и динамичными рассказами о его путевых приключениях, в тексте также встречаются описания природы; заявленные по требованию официальных органов точные сведения о характере поездок; анализ составных частей национального характера; подробные характеристики экономических условий, населенных пунктов и архитектуры; описание обычаяев, костюмов, обрядности и верований; записи, относящиеся к вопросам языкоznания и лексики, а также образцы устного народного творчества. Леннрот прибегает то к

форме коротких зарисовок о случайно повстречавшихся людях и юмористических рассказов о запомнившихся событиях, то к форме описаний и необработанных списков. Наиболее важные наблюдения всегда адресованы интересу воображаемого читателя. Только очень близкие люди узнают о чувстве подавленности и тоски. Это прежде всего спутник Леннрота по поездке в Ухту студент Йохан Фредерик Каян, с которым тот делится наиболее мрачными впечатлениями.

В XIX в. критика этнографии и антропологии сосредоточивала внимание на исследователе, который в соответствии с антропологической традицией собирал информацию о чужой культуре⁷. Письменные описания культуры, в том числе принадлежащие перу Леннрота, всегда отражают авторские представления о ценностях, его осознанные и неосознанные цели и чувства. Определение «самобытных черт» национального характера входило как в постоянный инструментарий «строителей» нации (что следует из приведенного ранее сформулированного Я. Тенгстремом требования), так и в программу действий этнографов раннего периода, занимавшихся изучением других народов. В числе других Леннрот преследовал цель исследовать и сопоставлять отличительные особенности как финского этноса, так и народов, проживавших по другую сторону границы. Уже в произведении «Путник» Леннрот высказал собственное мнение об иерархии финских племен. Он прославлял жителей Саво в сравнении с жителями Хяме и карел в сравнении с финнами. Эти относящиеся к раннему периоду описания национального характера во многом основаны на стереотипных представлениях о финском характере, корни которых – в литературе времен шведского владычества.

Интересно наблюдать, как по мере приобретения собственного опыта менялось отношение Леннрота к карелам Беломорской Карелии. Ранние описания отличались идеализацией. Рассуждения автора строились на сопоставлении «мы – они». При этом беломорские карелы, которых Леннрот постоянно называет финнами, сравнивались с населением Кайнуу или вообще с финнами Финляндии. В сравнении с жителями соседних областей Финляндии беломорские карелы более склонны к чистоте, гостеприимству, трезвости, они более терпимы в вопросах веры (исключая старообрядцев), более зажиточны и вежливы, их одежда ярче, и они сами оживленнее и подвижнее⁸. Земледелие у них запущено, но они более склонны к занятиям торговлей⁹. До 1880-х гг. путевые заметки Леннрота, опубликованные в «Helsingfors Morgonbladet», а затем и в других изданиях, оставались главным источником информации о российской Карелии¹⁰. Они формировали и укореняли представления о карелах. Данные им характеристики почти словно повторялись в литературе карелианистского характера.

Со временем восторженная тенденция отступила. Собственный опыт воспитывал в Леннроте чувство меры и делал его взорения более реалистичными, отстраненными. Описывая случаи воровства северных оленей в Лонке во время пятого путешествия, Леннрот вслед за жителями Кайнуу называет карел «русскими»¹¹. Чем дальше и севернее он попадал, тем суровее становилось описание местного населения. Холод, голод, усталость и тоска одолевали его во время седьмого путешествия в 1836–1837 гг. Даже «золотой край рун» – Вокнаволок – он описывает с критических позиций просветителя, развенчивая значение торгового дела коробейников: «Да будет заброшена торговля, и пусть лучше расцветут земледелие, животноводство и ремесла»¹².

Идея комплексной экспедиции по изучению культуры исходила из сбора сведений и образцов для их последующей систематизации. Леннрот действовал в этом ключе, собрав колоссальный фольклорный материал. В то же время сведения о самих runopевцах скучны. На это следует обратить внимание, поскольку очерки Леннрота содержат множество зарисовок о людях и человеческих судьбах. Исследователи фольклора размышляли над тем, почему почти отсутствуют описания встреч собирателя с runopевцами. Ответ кроется в характере путешествий Леннрота и в его представлений о сущности фольклора.

Предисловие к «Кантелетар» содержит подробнейшее изложение взглядов Леннрота на происхождение народной поэзии. По его мнению, фольклор – органическое явление, подобное природному, которое нельзя рассматривать сквозь призму личности:

«Поэтому народные песни нельзя назвать созданными. Их не создают, а они возникают сами по себе, рождаются, вырастают и становятся такими, как есть, без особого участия их исполнителя. Та земля, которая вращивает их, сама есть разум и мысль, то семя, из которого прорастают все возможные проявления духа. Но поскольку душа, мысли и проявления духа у всех людей и во все времена чаще всего единообразны, то и стихи, рождающиеся из них, не являются особенным проявлением одного или двух, а едины для народа в целом. И если назвать их созданием кого-то одного, то утратится их народнопоэтическое значение».

Точка зрения Леннрота тщательно продумана. Его биограф Аарне Анттила обратил внимание на то, что как раз перед написанием предисловия Леннрот позаимствовал из университетской библиотеки книгу И. Г. Гердера «*Stimmen der Völker in Lieder*»¹³. «Гердеровские» представления Леннрота о фольклоре имеют все же более глубокие корни. Они возвращаются к взглядам Х. Г. Портана, который был хорошо знаком как с представлениями неогуманистов, так и с фольклорными

сборниками англосаксонских романтиков. По инициативе Портана его ученик J. N. Kellgren сделал перевод «Песен Оссиана», который был позднее опубликован в издании «Аврора»¹⁴.

Профессор риторики Академии Турку Х. Г. Портан сформировал идеализированный образ народной поэзии, который был воспринят и распространен его учениками. Портан не только давал характеристики руно-певческой традиции, но и составил первое описание калевальского стихотворного размера. При изучении финской поэзии он использовал метод текстовой критики, широко применявшейся в европейской гуманитарной науке и теологии. Его целью было воспроизвести эстетически наиболее целостный инвариант руны на основе сравнения ее вариантов. Так, эстетические воззрения исследователя литературы стали определяющими принципами для более поздних собирателей фольклора. Руны должны были быть ясными по содержанию и чистыми по поэтической форме. Нагляден пример встречи Леннрота с Мартиской Карьялайненом из Лонки. Мартиска был отрекомендован ему как хороший рунопевец, но Леннрот остался разочарован: «Задолго до этого его рекомендовали мне как замечательного рунопевца. Он и вправду не испытывал недостатка в словах, жаль только, что они не были у него в надлежащем порядке. Он пересказывал с одной руны на другую, так что записанное от него послужило дополнению ранее собранного материала, но не дало новых совершенных рун»¹⁵. Во время более ранних, кратких посещений Беломорской Карелии собирателю не хватало времени. Встречаясь с рунопевцами, он сосредоточивался на записывании рун. Лишь лучшие из рунопевцев впечатляли Леннрота, и он увековечивал их на страницах своих дневников. Самый заметный среди них – Архиппа Перттунен, с которым Леннрот встретился во время пятого путешествия, и записанные от него руны являются важнейшими элементами текста «Калевалы».

Вместо систематизированного рассказа о рунопевцах Леннрот выстраивал представление о культуре на основе описания жизненного быта и представителей различных этнических и социальных групп. Кажется, что знакомый по просветительским сочинениям Леннрота прием облачать советы и поучения в форму связанных с людьми историй использовался им и при написании путевых очерков. Наряду с крестьянами и батраками читатель встречает нищих, колдунов, русских чиновников, возчиков и представителей этнических меньшинств Севера. Как врач Леннрот интересовался питанием, состоянием здоровья и условиями жизни вплоть до гигиены и строений. При этом он избегал – без благословения представителей власти – занятий врачебной практикой, если только удавалось. Все более пристальное внимание к религиозным явлениям подпи-

тывалось ознакомлением с жизнью монастырей и старообрядцев. Наиболее острые комментарии касались именно этих явлений, которые остались чужды Леннроту. С точки зрения путевых очерков наиболее интересны, пожалуй, описания чиновничьей культуры царской России и светских кругов Колы, Кандалакши и Ковды. Чтобы приспособиться к жизни суровых северных городков, Леннроту приходилось общаться с людьми на пяти языках.

Путешествия в Лапландию и на Кольский полуостров были весьма тяжелыми, и Леннрот повествует о своих приключениях открыто и с чувством юмора. Их естественно воспринимать в качестве проявлений автором собственной физической (телесной) и эмоциональной стороны, как и в плане попытки сравнения жизненных установок. Очень тяжелой была поездка в Лапландию, совершенная вместе с М. А. Кастреном. Пробыв две недели в холодном и неудобном саамском домике, спутники поссорились из-за какого-то пустяка и долгое время не разговаривали друг с другом. Кастрен, вместе с которым Леннрот побывал в Архангельском крае для изучения языка самоедов, стал впоследствии его добрым другом. Леннрот отказался от изучения самоедов, посчитав, что Кастрен лучше справится с этой задачей.

Элиас Леннрот владел многими языками. Помимо языков своей страны – финского и шведского – он говорил на немецком, русском и латыни, читал на многих языках, в частности по-английски. Путевые очерки позволяют судить о нем как о разносторонне культурном человеке, который умел находить общий язык с представителями самых разных классов и слоев или же избегать общения, если так было лучше для его работы. Леннрот – поборник умеренности – не чурался веселых застолий в обществе своих академических друзей, саамских оленеводов или русских чиновников. Сквозь серьезность то и дело проглядывает озорник, юмор которого слаживает нарочитую напыщенность повстречавшихся ему людей и трудности непростых путешествий.

Что было после путешествий?

С какими же мыслями Леннрот работал над собранным материалом? В произведении «Элиас Леннрот и идеи эпохи. Во благо нации» (2001) Пертти Каркама исследует отношение Леннрота к идеяным и философским направлениям своего времени. Он особенно пристально рассматривает связь между воззрениями Леннрота на поэзию и мыслями И. Г. Гердера. Каркама называет Леннрота эклектиком, который «выбирал теории в зависимости от того, что представлялось

ему предпочтительным для завершения начатой практической работы»¹⁶. Лаури Хонко замечает: «В вопросах эпоса Леннрот был человеком не теории, а практики»¹⁷. Леннрот избегал прямых ссылок на теорию, хотя известно: он знал взгляды крупнейших философов своей эпохи. Наряду с работами Гейдера он изучал труды Гегеля и теорию эпоса немецкого исследователя И. В. Вольфа.

Знаменательно, что труд Яакоба Гримма «Die Deutsche Mythologie» увидел в свет в 1835 г. – в один год с «Калевалой». Гримм хотел собрать элементы древнегерманской мифологии подобно тому, как сделал в «Калевале» Леннрот. Во втором издании своего труда в 1844 г. Гримм сравнивает мифологию «Калевалы» с древнегерманскими преданиями и мифами Древней Греции. Лекция, прочитанная им в 1845 г. на заседании Академии наук в Берлине, вызвала большой отклик и повлияла на восприятие «Калевалы»¹⁸. С конца XVIII в. по 1880-е гг. изучение мифологии находилось в Германии в тесной связи с исследованиями, проводившимися в Северных странах, а также с увлечением традицией «калевальской» эпики.

Если смотреть в реку только на отмели – не увидеть течения. Наряду с поиском отдельных теоретических образцов дело жизни Леннрота следует воспринимать как целое и как часть единого целого. Его мышление оставалось верным ясному курсу в свете целей исследовательских путешествий. Целью Леннрота было прояснение древней истории Финляндии, истории финского народа в соответствии с установками Портана и Тенгстрэма. Уже в «Путнике» он призывал собирать материал о свадебной обрядности для проведения сравнительных исследований, чтобы «выяснить, что в ней соответствует древности»¹⁹. Во время путешествия 1833 г. он приходит к мысли, что изучение языка способно помочь исследованию истории хозяйственной деятельности финских племен. Таковы были цели создания эпоса «Калевала». Цель объясняет и то, почему Леннрот придавал исторические черты мифологической трактовке эпической народной поэзии. Он считал эпическую традицию – с современной точки зрения небезосновательно – мифологически-исторической²⁰.

Открывающаяся в свете полевых исследований картина жизненного труда – «проекта длиной в жизнь» – показывает, что подобно Портану Леннрот преследовал глубинную цель. Как и геттингенские ученые конца XVIII в., в особенности Август Шлецер, Портан хотел исследовать историю народов на основе языкового, этнографического и фольклорного материала²¹. Речь идет об одной из наиболее сильных, объединявших различные области знания и выстроивших их взаимодействие гуманистических традиций, которая в различных формах повторялась в

Германии на протяжении XIX в. С точки зрения исследования культуры значительным было влияние Вильгельма Гумбольдта, который развивал понятие «просвещение» и подобно Гердеру подчеркивал специфические особенности различных культур вместо воззрений Иммануила Канта и просветительского универсализма; в 1795–1797 гг. Гумбольдтом были сформулированы принципы сравнительной антропологии (с позиций изучения языка и культуры)²². Согласно Гумбольдту и его единомышленникам, язык, фольклор и мифы возникают в процессе истории народа, и поэтому они – отражение истории народа и его самобытного мышления. В конце XIX в. Франц Боас привнес эти взгляды в американскую культурную антропологию²³. Этнографические и фольклорные экспедиции в Сибирь, которые организовал Боас, выпущенные им значительные собрания по фольклору индейцев, а также широкомасштабное собирание фольклора тихоокеанских территорий, которое немецкий исследователь Адольф Бестиан организовал в 1870-е гг., – вот проявления этого направления²⁴.

К тому же стоит помнить, что использующее сравнительную методику направление не ушло окончательно в прошлое, хотя его теоретические основы и научные методы неоднократно обновлялись. Убедительными доказательствами этого являются сотрудничество специалистов различных областей науки в изучении древнейшей истории Финляндии или совместный международный проект археологов, лингвистов, этнографов и фольклористов по изучению истории австралио-полинезийских народов. Это направление не свойственно исключительно национальным наукам, и у него нет националистических корней; оно применялось в особенности при изучении развития народов, не имеющих письменных свидетельств собственной истории, в империях Запада и Востока. За ним стоит высказанное Гейдером мнение о глубинном единстве всей человеческой психологии; принцип, который утвердил использование сравнительного метода в изучении фольклора, языка и культуры. Англосаксонские культурологи формулируют этот принцип как *the basic unity of mankind* («базовая общность человечества»). Элиас Лендрот выразил это словами: «Душа, мысли и влияние духа во все времена и у всех народов в большинстве своем одинаковы».

Заключение

«Калевала» принадлежит мировой литературе, являясь главным достижением Элиаса Лендрота. Цель, которую преследовало дело его жизни, – описание древней истории и жизненного окружения народа Финляндии,

также служившие этой цели исследовательские путешествия явились основой исключительно разностороннего литературного творчества. Путешествия дали материал не только для составления «Калевалы», «Кантелетар» и других сборников народной поэзии, но и для работ по языкоznанию, большого словаря и издания, посвященного растительному миру Финляндии. Поездки формировали представления Леннрота о жизни и людях, они птиали его религиозное мышление и просветительскую деятельность. Прежде всего, путешествия Леннрота – проявления целостного взгляда на культуру, которое трудно осознать, а тем более воплотить современному человеку с его раздробленными представлениями о картине мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Sihvo H. Karjalan Kuva. Karelianismiin taustaa ja vaiheita autonomian aikana* // *Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia*. 314. Helsinki, 1973. S. 53.

² *Sihvo H. Karjalan Kuva...* S. 36–37.

³ *Leikola A. Saatesanat. Pehr Kalm, Matka Pohjois-Amerikkaan* // *Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia*. 549. Helsinki, 1991. S. 7.

⁴ *Stocking G. W. The Ethnographer's Magic and Other Essays in the History of Anthropology*. The University of Wisconsin Press. 1992. S. 21.

⁵ *Branch M. A. J. Sjögren Studies of the North. Mémoires de la Société Finnoougrienne*. 152. Suomalais-ugrilainen Seura. Helsinki, 1973. S. 26.

⁶ Elias Lönnrotin matkat I, vuosina 1828–1839. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran kirjapainon osakeyhtiö, 1902; Elias Lönnrotin matkat II, vuosina 1841–1844. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran kirjapainon osakeyhtiö, 1902.

⁷ *Clifford J. and George E. M. (eds.). Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*. Berkeley: University of California Press. 1986; *Heikkinen K. Venäläinen matkalla Karjalassa – kenen katse? Artikkeleita kirjallisista matkoista mieleen ja maailmaan* / Toim. M.-L. Hakkarainen ja T. Koistinen // *Kirjallisuuden ja kulttuurin tutkimuksia*. N: 9. Joensuu: Universitas Ostiensis. Madison, Wisconsin: The University of Wisconsin Press. 1998; *Kupiainen T. Runoja keräämässä ja kansaa tarkkailemassa. Suomalainen katse 1800-luvun lopun Karjalassa ja Inkerissä. Artikkeleita kirjallisista matkoista mieleen ja maailmaan* / Toim. M.-L. Hakkarainen ja T. Koistinen // *Kirjallisuuden ja kulttuurin tutkimuksia* N: 9. Joensuu: Universitas Ostiensis, 1998.

⁸ Elias Lönnrotin matkat I... S. 151–157, 173, 195.

⁹ Opt. cit... S. 159.

¹⁰ *Sihvo H. Karjalan Kuva...* S. 132.

¹¹ Elias Lönnrotin matkat I... S. 205.

¹² Opt. cit... S. 321.

¹³ *Anttila A. Elias Lönnrot, Elämä ja toiminta* // *Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia*. 417. Helsinki, 1985. S. 260.

¹⁴ *Sihvo H. Karjalan Kuva...* S. 35.

¹⁵ Elias Lönnrotin matkat I... S. 203–204.

¹⁶ *Karkama P. Kansakunnan asialla. Elias Lönnrot ja ajan aatteet // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia.* 843. Helsinki, 2001. S. 35.

¹⁷ *Honko L. Kalevala: aitouden, tulkinnan ja identiteetin ongelmia. Kalevala ja maailman eepokset / Toim. L. Honko. Kalevalaseuran vuosikirja.* 65 // SKS. Helsinki, 1987. S. 47.

¹⁸ *Hautala J. Suomalainen kansanrunoudentutkimus // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia.* 244. Helsinki, 1954. S. 143–144.

¹⁹ Elias Lönnrotin matkat I... S. 70–71.

²⁰ Op. cit. S. 190.

²¹ *Sihvo H. Karjalan Kuva...* S. 39.

²² *Dumont, Louis. German Ideology From France to Germany and Back.* Chicago and London, 1994.

²³ *Bunzl M. Franz Boas and the Humboldtian Tradition: From Volksgeist and Nationalcharakter to an Anthropological Concept of Culture. – Volksgeist as Method and Ethic. Essays on Boasian Ethnography and the German Anthropological Tradition / Ed. W. George Jr., Stocking // History of Anthropology.* V. 8. Madison, Wisconsin // The University of Wisconsin Press. 1996.

²⁴ *Jacknis I. The Ethnographic Object and the Object of Ethnology in the Early Career of Franz Boas. Volksgeist as Method and Ethic. Essays on Boasian Ethnography and the German Anthropological Tradition / Ed. W. Gerge Jr., Stockin // History of Anthropology.* V. 8. Madison, Wisconsin: The University of Wisconsin Press. 1996; *Koepping K.-P. Adolf Bastian and the Psychic Unity of Mankind. The Foundations of Anthropology in Nineteenth Century Germany.* St. Lucia, London, New York: University of Queensland Press, 1983.

A. M. Пашков

У ИСТОКОВ КАРЕЛЬСКОГО ЭТНИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ: ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ КОНДРАТЬЕВ И ЕГО СОЧИНЕНИЯ

Первым карельским краеведом, оставившим ценные для своего времени сочинения по топонимике Карелии и этнографии карел-ливвиков, был Иван Васильевич Кондратьев¹. Биографические сведения о нем крайне скучны. Его отец Василий Кондратьев² был зажиточным мещанином Олонца. По данным на 1801 г., В. Кондратьев владел двумя лавками в городе, в которых торговал «разными сукнами, шелковыми, бумажными и гарусными матерьями и другими принадлежащими сировскими товарами»³. Отец краеведа, авторитетный среди олончан человек, знал грамоту и был в 1812 г. был гласным городской думы⁴. Иван Кондратьев по своей